

Секция «Юриспруденция»

Кодификация права собственности во Французской и Российской империях
в первой половине XIX века

Белоус Елена Игоревна

Студент

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Российский
университет дружбы народов, Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: belous100@mail.ru

В центре нашего исследования – проблема частно-правовой кодификации эпохи Нового времени на примере права собственности, в его французском и российском вариантах. В историографии этой проблемы используется расхожий тезис о восприятии в Своде законов Российской империи (с подачи самого графа Сперанского) т.н. петиторной конструкции (юридического института собственности) из ГК Французской империи эпохи Наполеона [1]. Но так ли это на самом деле, была ли рецепция или состоялась отечественная новелла, и каковы тому текстуальные свидетельства, постараемся показать далее в наших тезисах. Мы использовали официальный текст французской и российской кодификации (соответственно книгу II ФГК 1804 г. и книги II и III части 1 тома X Свода законов 1832 г.), проанализировав на основе сравнительно-правового (синхронного) подхода, а также нормативно-догматического и общеисторического методов. С одной стороны, есть общие черты в технике кодификации во Французской и Российской империях первой трети XIX в. В частности, используется институционная система изложения («лица–вещи–обязательства»), присутствуют общие дефинитивные нормы, классификация субинститутов (в виде иерархической системы полных/абсолютных и ограниченных вещных прав), элементы казуистичного описания (например, классификации вещей) с иллюстрациями в форме примечаний к статьям/параграфам. Но в то же время заметны содержательные и стилистические различия в обеих сравниваемых кодификациях. В «Своде законов» по сравнению с классической моделью гражданско-правовой кодификации во Франции использовался смешанный образец систематизации (кодификация с элементами инкорпорации). А попытка унификации общегосударственного гражданского права завершилась в то время терпимым и даже покровительственным отношением к местным особенностям в провинциях и окраинах. Дело в том, что должно было состояться, по мнению императора Николая I, лишь упорядочение действующих норм права, и граф М.М. Сперанский согласился с волей самодержца [2]. Он надеялся со временем приступить к новому этапу систематизации – созданию «Уложения», которое должно было развивать старое право и содержать новеллы [3, с. 8]. Более того, в ФГК 1804 г. была своеобразная и весьма пёстрая источниковая база. Известный квартет французских юристов – разработчиков Кодекса опирался на дореволюционную судебную практику и переработанные кутюмы (местные правовые обычаи), окутывая своё нормотворчество ореолом римского частного права, своего рода молитвенника западноевропейских юристов. Хотя граф Сперанский, переписывавшийся по рекомендации самого Наполеона во время его пребывания в Эрфурте, с известными французскими юристами (Локре, Легра и Дюпоном), не считал римскую конструкцию собственности эталоном. По его словам, в ней весьма зыбко и неточно определены понятия собственности (*dominii*), обладания (*possessionis*) и завладения (*usurpationis*) [4, с.

16-17.]. Поэтому в результате кодификации норм о праве собственности в обоих источниках мы неожиданно замечаем отход от классических римских принципов. Например, французы отказались от тесной взаимосвязи этого института с семьёй как носителем публичных правомочий, что было характерно для Рима. Под влиянием теории естественного права они вывели на первый план единоличный компонент права собственности, подчеркнув его универсально индивидуалистический характер. Как представляется, авторы ФГК избегали упоминания коллективной формы собственности, особенно на землю, усматривая в этом также политическую опасность. И в то же время это достоинство – исключительный, индивидуалистический и абстрактный характер прерогатив собственника – стало продолжением недостатков «Кодекса Наполеона». Они проявились, по мнению С.А. Даниеляна, в крайне обобщённом характере права собственности и абстрактном типе его субъекта (индивида как абсолютной ценности), который не обязан был считаться с коллективными интересами социальных партнёров [5, с. 24]. В ФГК была также преодолена устаревшая теория дробления земельной собственности: на *dominium* и *proprietas*, как в римском праве времён византийских императоров Феодосия и Юстиниана, или на «*domaine direct*» и «*domaine utile*», как в старорежимной Франции. Ушла в прошлое иерархическая структура землевладения (расщеплённая собственность), когда одним земельным участком обладали сеньор и непосредственный владелец. Таким образом, определение права собственности в ст. 544 ФГК и др. уже не содержало элементов феодальной конструкции (расщеплённость, условность, родовой характер права). Чего нельзя сказать о российском «Своде законов», где, как верно замечено Т.Н. Новицкой, снятие ограничений с права собственности не сопровождалось отменой крепостного права и, следовательно, сохранялась сама суть феодального вещного права, например, к движимому имуществу причислялись права на крепостных людей без земли [6, с. 334]. Французский кодекс пошёл дальше в деле секуляризации гражданско-правовых отношений и ограничения влияния канонического права (десакрализация института собственности). В то время как «Свод законов» предусматривал такую форму вещного права, как «собственность разных установлений» (учреждений), которой владели церковь, монастыри, религиозные учебные заведения, богоугодные и прочие заведения. Ещё одной отличительной чертой, обоснованной во французской цивилистике и закреплённой в ФГК, стал суверенный характер этого вещного права. Из него же происходили два важнейших, революционных принципа неприкосновенности и неотчуждаемости собственности. Так, в ст. 17 Декларации прав человека и гражданина 1789 г. это было единственное из всех естественных прав, которое называлось священным (не в смысле связи его с церковью, а в силу незыблемости этого права). Поэтому «Кодекс Наполеона» объявил, что собственник не может быть принуждаем к уступке, если это не делается по причине общественной пользы на основе предварительного справедливого возмещения. К слову, идея экспроприации для общественных нужд не получала в римском праве нормативной разработки вплоть до Юстиниана [7, с. 85]. Известно, что первый консул Наполеон сам настоял на большей охране и гарантиях недвижимой собственности, и на одном из заседаний Государственного Совета он специально подчеркнул, что «необходимо умножить число собственников, являющихся твёрдой опорой безопасности и спокойствия государств». В России же принцип священности и неприкосновенности частной собственности, или независимости частного лица от публичных определений, не был в почёте. Принудительное лишение права собствен-

ности путём вмешательства власти согласно «Своду законов» могло осуществляться: 1) по судебному постановлению (при разделе общего имущества и продаже с публичного торга арестованного имущества), 2) в виде экспроприации, и 3) путём конфискации. Было допустимо и безвозмездное изъятие (например, зачумленных животных во время эпизоотии). Наконец, закреплялось т.н. неполное право собственности, которое «ограничивается в пользовании, владении или распоряжении другими правами» (ст. 432 Свода законов). Оно обременялось как правами участия, так и правами на чужую вещь, которые назывались не сервитутами, а «правами угодья». Юридическим стержнем права собственности были нормы о судебной защите интересов носителя этого права. Применительно к «Своду законов гражданских» можно говорить скорее об институте охраны собственности, чем о гражданско-правовой защите этого вещного права. Верно и то, что она носила сугубо сословный характер, защищая в первую очередь собственность дворян, и была тесно связана с охраной землевладения. На контрасте с этим ФГК хотя и отстаивал принципы равенства всех перед законом и судом, и суверенного характера правомочий собственника, но в нём отсутствуют нормы об их исковой судебной защите. Подробные правила о виндикационном и негаторном исках были разработаны в юридической доктрине и судебной практике на основе толкования норм ФГК и ГПК о добросовестном и недобросовестном владении, исковой и приобретательной давности и др. Таким образом, сопоставительный анализ французского и российского кодексов о праве собственности показал, что некоторые нормы «Свода законов» частично совпадают с положениями «Кодекса Наполеона», хотя те в более последовательной манере отражают новые идеи и теории эпохи Просвещения и индивидуалистической этики. В то же время российские законы были более конкретными, детальными и казуистичными, но с положительным эффектом, ибо такая правовая регламентация отношений собственности была вызвана самой спецификой жизненного уклада Российской империи.

Литература

1. Тараборин Р.С. Влияние кодекса Наполеона 1804 г. на развитие гражданского права европейских стран XIX в. // Научный вестник УрАГС. 2010. Вып. 11.
2. Мицкевич А.В. Систематизация законов Российской империи М.М. Сперанским // Журнал российского права. 2001. № 5.
3. Медведев Д.А. Новый Гражданский кодекс Российской Федерации: вопросы кодификации // Кодификация российского частного права. М., 2008.
4. Мысли графа М.М. Сперанского // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. СПб., 1858. Кн. 1.
5. Даниелян С.А. Право собственности по ГК Франции 1804 г.: достоинства и слабости // Современные проблемы правоведения: Сб-к науч. трудов. Краснодар, 1998. С. 19-24.
6. Новицкая Т.Е. Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века. М., 2005.

7. Мурашова С.А. Рецепция римской концепции права собственности в гражданском законодательстве России // Право собственности в русской и западной традиции: история и современность. Краснодар, 2001. С. 67-94.